

III ПСИХОЛОГИЯ PSYCHOLOGY

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-4-15

УДК 159.9+37013.77

Оригинальная научная статья

Гуманизация и суверенизация как стратегия реформирования и развития российского образования. Часть 1. Суверенный путь России в образовании

Н. А. Корниенко

Новосибирский государственный аграрный университет

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: na.kornienko2012@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Россия отстаивает свой гуманитарный суверенитет, когда воспитание, образование, культура, политика, фильмы строятся на наших традициях и ценностях, которые находятся не вовне, а внутри человека, в его сознании, поскольку это ментальные составляющие, мировоззренческие компоненты. *Постановка задачи.* Система образования должна работать на формирование и развитие человеческого капитала страны. Без решения этой задачи у страны не будет суверенного образования, а значит, не будет будущего. Необходима смена парадигмы высшей школы, нужна новая русская национальная модель. Профессиональная школа должна быть не просто «кузницей кадров», а центром духовного преобразования личности специалиста, источником одухотворенности его мыслей, слов и поступков; воспитывать настоящего гражданина, патриота, хорошо знающего историю и культуру своей страны. *Методика и методология исследования.* Строится на ключевых моментах суверенизации российского образования, которая закономерно отказалась от Болонской системы образования. Методология осмысления современной ситуации в образовании, аналитического доклада «Будущее высшей школы России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030». *Результаты.* Отечественное образование с внедренной до недавнего времени Болонской системой развивалось исключительно как экстрактивный социальный институт. На протяжении более чем двадцатилетнего периода эту важнейшую сферу жизни общества, значение которой в поддержании и развитии суверенитета страны переоценить невозможно, буквально «ломали через колено» в угоду Западу. Изложены основные изменения в системе высшего образования, вызванные этим участием. Присоединение к Болонскому процессу получило в профессиональном сообществе неоднозначную и даже противоречивую оценку. *Выводы.* Сейчас в обществе сложилась такая ситуация, которая делает актуальной проблему поиска новой смылосоставляющей фундаментализации образования, сущностью которой является осознание того, что дальнейшая судьба человеческой цивилизации будет определяться не только интеллектуально-образовательным, но и духовно-нравственным потенциалом общества и человека, то есть гуманизацией и суверенизацией. В этом – ценность России.

Ключевые слова: суверенитет, смысл образования, ценности, воспитание, духовность, мышление, концепция, опыт, знания, специалист

Для цитирования: Корниенко Н. А. Гуманизация и суверенизация как стратегия реформирования и развития российского образования. Часть 1. Суверенный путь России в образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, №4. С. 736–747. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-4-15>

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-4-15
Full Article

Humanization and sovereignization as a strategy for reforming and development of Russian education. Part 1. Russia's sovereign path in education

Kornienko, N. A.

Novosibirsk State Agrarian University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: na.kornienko2012@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* Russia defends its humanitarian sovereignty when upbringing, education, culture, politics, films are built on our traditions and values, which are not outside, but inside a person, in his mind, since these are mental components, worldview components. *Purpose setting.* The education system should work for the formation and development of the country's human capital. Without solving this problem, the country will not have a sovereign education, which means there will be no future. It is necessary to change the paradigm of higher education, we need a new Russian national model. A professional school should be not just a «forge of personnel», but a center for the spiritual transformation of a specialist's personality, a source of spirituality for his thoughts, words and deeds. It is necessary to educate a real citizen, a patriot who knows the history and culture of his country well. *Methodology and methods of the study.* Based on the key points of the sovereignization of Russian education, which naturally abandoned the Bologna system of education. Methodology for understanding the current situation in education, analytical report «The Future of Higher Education in Russia: an Expert View. Foresight-study-2030». *Results.* Russian education until recently, with the implemented Bologna system, developed exclusively as an extractive social institution. For more than twenty years, this most important sphere of social life, the importance of which in maintaining and developing the sovereignty of the country cannot be overestimated, was literally «broken over the knee» to please the West. The main changes in the system of higher education caused by this participation are outlined. Joining the Bologna process has received an ambiguous and even contradictory assessment in the professional community. *Conclusions.* Now a situation has developed in society that makes the problem of finding a new semantic component of the fundamentalization of education, the essence of which is the realization that the future fate of human civilization will be determined not only by the intellectual and educational, but also by the spiritual and moral potential of society and people, i. e. by humanization and sovereignization. This is the value of Russia.

Keywords: sovereignty, meaning of education, values, upbringing, spirituality, thinking, concept, experience, knowledge, specialist

Citation: Kornienko, N. A. [Humanization and sovereignization as a strategy for reforming and development of Russian education. Part 1. Russia's sovereign path in education]. *Professional education in the modern world*. 2023, vol. 13, no. 4, pp. 736–747. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-4-15>

Введение. Текущее столетие воспринимается современниками как эпоха интенсивных социокультурных, экономических, технологических, демографических и других изменений, принимающих глобальный масштаб. В этой ситуации будущее социальных и культурных институтов, даже имеющих длительную историю и прочно укорененных, является неопределенным. В частности, темой напряженных дискуссий становится будущее высшей школы, ее роли в сохранении и развитии человеческого капитала, генерации научных знаний, технологических и иных инноваций [1]. На одном полюсе – картина будущего, согласно которой высшая школа будет играть все меньшую роль, уступая место средовым формам образования, сетевым сообществам исследователей, производящим знания и инновации корпорациям и т.д., и деятельность ее будет свернута до роли центра сертификации, выдающего дипло-

мы о высшем образовании. На другом полюсе – картина «нового расцвета» высшей школы, которая станет центральным институтом общества знаний; в этом случае кризис высшего образования, признаки которого обнаруживаются не только в России, но и во всем мире, – лишь симптом переходного состояния, болезнь роста [2].

Происходящие в настоящее время изменения в сфере высшего образования осмысливаются как многогранный кризис, включающий разрыв между потребностями рынка труда и получаемыми в высшей школе профессиональными квалификациями, падение престижа преподавательского труда, необходимость изменения парадигмы образования и ряд других проявлений. Мы полагаем, что кризис образования имеет общесовременную природу, связан с «фазовым сдвигом» – переходом от индустриального уклада к постиндустриальным формам существования

общества, и все развитые страны с той или иной степенью остроты его переживают. Происходит трансформация антропологической платформы – основы, на которой строится образование – образа человека, сформировавшегося в «западном мире» к XIX–XX вв. Проблематизируется социально-антропологический проект, который задавал осмысленность и направленность современного образования на протяжении последних двух столетий [3, с. 7].

Кризис высшего образования проявляется в размывании функций образовательных институтов: «образовательные события индивидуальности» уходят из стен колледжей и университетов, а последние начинают превращаться в образовательные супермаркеты или социально-адаптирующие учреждения. Образование человека как оформление индивидуального культурно-ценностного ядра, формирование базовых интеллектуальных функций (мышления, понимания, рефлексии, коммуникации) [4], ситуации перформативного существования [5] происходят в новых коммуникативно-креативных институтах [6].

Образование, общее и высшее, переживает в этот переходный период системный кризис, связанный с утратой целевых и смысловых рамок, неактуальностью содержания образования, неадекватностью его технологий и форматов. Размываются смыслы и сверхзадачи деятельности преподавателей, падает их социальный статус, снижается престиж профессии [4]. Мы помним, как в 1998 г. США предложили России идею внедрения ЕГЭ в нашу систему образования. Разработкой тестов занимался Федеральный центр тестирования, постоянно модифицируя и изменяя новомодный западный тренд [7].

В 2008 г. ЕГЭ ввели уже как обязательную процедуру во всех общеобразовательных школах РФ. Видимо, чиновники тоже ожидали высоких результатов, но вдруг заметили, что ректоры вузов стали бить тревогу: ученики ничего не знают, не умеют грамотно писать и формулировать свои мысли, количество часов на изучение математики, физики, истории сократилось. Возникли вопросы: кого мы готовим? Потребителя или гражданина, создателя или патриота, любящего свое Отечество? Безусловно, нужна новая итоговая аттестация, опирающаяся на классическую систему.

Этапом модернизации должно стать восстановление системы среднего профессионального образования (СПО) [7, с. 16–17]. Кризис высшей школы широко обсуждается в странах Европы, США. Но в особенности выраженным он стал в России, поскольку за деиндустриализацией не последовало создание масштабной и развитой сервисной экономики и тем более экономики знаний. Мы рассматриваем текущую ситуацию

высшей школы в России как ситуацию глубокой трансформации в условиях фундаментальных внешних изменений и серьезных внутренних противоречий. В подобных условиях будущее отличается степенью неопределенности [3, с. 24].

По прогнозу Юнеско [8], в экономически неразвитых странах Африки развитыми странами мира будет реализован проект тотального ликбеза, который приведет к их культурной оккупации и обеспечит последующее включение ресурсов этих стран в оборот европейско-американского сотрудничества.

Наиболее мощными образовательными ареалами будут европейско-американский, англоязычный образовательный ареал; китайский образовательный ареал; испано-латиноамериканский образовательный ареал; арабо-исламский образовательный ареал. В каждом образовательном ареале будет страна лидер (или группа стран), экспортирующая высшее образование. На процессы формирования образовательных ареалов будут накладываться процессы глобализации знания и распространения образовательных технологий нового поколения (дистанционное образование, открытое образование и др.).

Для России крайне важной задачей будет формирование русскоязычного ареала на основе распространения русского языка и традиционных социально-экономических связей со странами Азии и Кавказа (бывшими республиками Советского Союза) [9]. В этих странах будет наблюдаться значительный прирост молодого населения, что делает для них актуальной трудовую и образовательную миграцию.

Проявлением этого кризиса является принимающая массовый характер имитация и фальсификация образования: «студенты делают вид, что учатся, преподаватели делают вид, что учат». Снижается качество образования, личный смысл образования редуцируется к получению диплома. Проводимые в настоящее время социологические исследования высшей школы в России обнаруживают большие масштабы списывания и плагиата при написании контрольных, курсовых и дипломных работ, покупки зачетов и экзаменов и т. д., фактическое превращение очного дневного обучения в заочное вследствие трудоустройства большинства студентов [10; 11].

Описанный кризис – это кризис смыслов и содержаний.

Россия в сентябре 2003 г. присоединилась к Болонскому процессу, чтобы построить в РФ систему образования, аналогичную западной. Однако эта система не оправдала возложенных на нее ожиданий, поэтому было принято решение постепенно отходить от болонской системы и возвращаться к классическому варианту. В этот

период должны получить широкое распространение такие выражения, как традиционные идеалы, традиционные ценности, традиционные религии. Их актуальность и значимость велики и окажут мировоззренческое влияние на умы современных людей [12].

Главная идея Болонской системы состоит в том, что структуру образования определяет работодатель, а не государство. Образовательный процесс должен соответствовать процедурам, которые устанавливает государство. Поэтому сегодня нам нужен суверенитет российского образования. Только государство может определять стратегию развития системы образования, ставить цели и формулировать задачи, для этого необходимо изменить смыслы и идеологию, предприняв следующие основные шаги:

1) возвращение к классической системе образования (классические подходы, классическая система высшего образования; образование, технологии, промышленность обеспечивает, в первую очередь, школьный учитель);

2) определение теоретических оснований развития (большой риск представляет ситуация, когда образованием руководят технократы).

Постановка задачи. Как стратегически важную эксперты выделили задачу формирования предпосылок когнитивного общества, что означает повышение интеллектуального потенциала общества, увеличение интеллектуальной активности и связности общества [3, с. 108]. Понимание глубины и масштабов происходящих процессов, развертывание содержательного общественного дискурса относительно настоящего и будущего высшей школы является необходимой основой для разработки адекватной стратегии развития российского образования. Будущее высшей школы в России зависит от того, какие именно субъекты станут «локомотивами» изменений в сфере высшего образования, в сфере исследований и инноваций будут выступать с инициативами, формировать запрос и удовлетворять потребности общества и бизнеса в интеллектуальных услугах, создавать и использовать новые современные технологии и форматы деятельности в данных сферах [3].

Методика и методология исследования.

Для поиска ориентиров и опор деятельности в условиях неопределенности будущего были разработаны новые технологии исследования и конструирования будущего, которые объединяются общим названием Форсайт [4]. Форсайт – ВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО – включает ряд технологий и методов: методы работы с экспертным знанием [15] (экспертные интервью, семинары и масштабные Делфи-опросы); методы дискретного и континуального сценарирования [16]; методы картирования – построения дорожных карт [4].

Решение поставленных задач должно опираться на принципы российского образования, закрепленные в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ», п. 86. «Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений, реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности».

Результаты исследования. Стратегия определяет цели государства, поэтому данный документ является вторым по значимости после Конституции РФ. Изначально болонская система преследовала идею междисциплинарности, при которой в рамках бакалавриата можно получить бесплатно образование по одной специальности и продолжить обучение в магистратуре по другой специальности, но уже на штатной основе. Многие специалисты видят в этом большой риск: низкий уровень подготовки бакалавров, а эта категория может носить массовый характер в силу бесплатности образования. Только единицы, обладающие материальными возможностями, будут получать полное высшее образование, закончив магистратуру [7].

На этапе внедрения болонской системы на российскую почву говорилось о том, что студенты получают возможность приезжать на обучение из России в страны западной Европы и это обеспечит расширение их мобильности, а дипломы будут признаны во всем мире. Но в реальности все оказалось несколько иначе: от наших граждан за рубежом требовалось подтверждение специальностей, поскольку многие дипломы не получали признания.

По мнению авторов болонской системы, к ее достоинствам можно отнести расширение доступа к высшему образованию, дальнейшее повышение качества и привлекательности европейского высшего образования, расширение мобильности студентов и преподавателей посредством системы грантов.

В итоге специалисты во всех сферах стали фиксировать следующие риски:

1) низкий уровень знаний, особенно у бакалавров, которые на 40% меньше получают знаний;

2) предмет изучения в бакалавриате становится очень общим, не учит думать системно, требует заучивать отдельные части; отсюда настороженное отношение к бакалаврам; можно переходить из одной профессии в другую, меняя свою профессиональную траекторию, что порождает риск появления дилетантов;

3) не может быть единых результатов в каждой стране, поэтому нецелесообразно использовать универсальные шкалы (PISA, ECERS) и др. [7].

Также болонская система предусматривает участие России в различных международных рейтингах, таких как Scopus, фиксирующих публикационную активность университетов, уровень цитирования преподавателей. Все это под предлогом того, что якобы наша система будет интегрирована в мировую систему образования. Парадокс заключается в том, что составлением международных рейтингов публикационной активности и цитирования занимаются две частные компании из Великобритании, определяющие критерии «правильности» написания научных статей.

Косвенным следствием присоединения России к Болонскому процессу стало участие в «рейтинговой гонке» университетов. Однако у части российского университетского сообщества вхождение в Болонский процесс вызвало ожидание скорой успешной интеграции в общеевропейскую систему высшего образования [11–13]. Высказывались мнения, что проблемы вхождения в Болонский процесс вызваны некомпетентностью чиновников от образования, навязывающих университетам непродуманные преобразования по европейским лекалам, следствием чего является организационный хаос [17]. На этом направлении основные достижения свелись к усилению присутствия в списках «большой тройки». Так, в 2021 г. в них были представлены: в QS и ARWU – по 48 вузов, а в рейтинге THE – 19. Для сравнения – в 2012 г. в QS-рейтинг были включены лишь 14 отечественных университетов. Вместе с тем амбициозные цели проекта – «5–100» достигнуты не были: в 2021 г. только МГУ имени М.В. Ломоносова занимал 74-ю позицию в QS-рейтинге и 97-ю – в ARWU, не являясь при этом участником проекта. Ни одному из 21 участников «5–100» не удалось подняться выше третьей сотни в QS-рейтинге, в котором продвижение отечественных университетов было наиболее успешным. Достаточно подробная информация по данному вопросу содержится в работах В.В. Орлова, А.Л. Таточенко, Н.В. Тихомирова [11; 13].

Узким местом на начальном этапе участия в рейтинговой гонке оказались показатели публикационной активности ППС в международных научных журналах. В особенности остро проблема обозначилась в отношении публикаций, индексируемых в базах Web of Science и Scopus. Следствием этого стала настоящая «скопосомания», проявившаяся в требованиях руководства вузов к своим сотрудникам обеспечить соответствующие публикации в кратчайшие сроки любой ценой. Вопрос о цене не является праздным: организационный взнос за публикацию в большинстве журналов

списка Scopus начинается от 25 тыс. р. (без стоимости перевода на английский язык), а для журналов 1–2-го квартилей он может достигать и до 70–80 тыс. р. При этом в столичных университетах критерием прохождения конкурса на очередной срок (длительностью всего в один год) на должность доцента была публикация двух статей в журналах 2-го и 4-го квартилей Scopus [11].

Подобная практика ожидаемо дала негативные результаты: появилось огромное количество работ с шестью, семью, нередко девятью соавторами, а порой их количество доходило и до 12. Достаточно часто авторы, успешно публикующиеся в авторитетных научных журналах, оформлялись в несколько университетов одновременно как внешние совместители ради соответствующей аффилиации их трудов. Очень быстро и резко выросло количество организуемых вузами международных научных конференций, материалы которых соглашались напечатать так называемые «бесквартильные» Scopus-журналы, не придавая большого значения научной новизне и содержанию подобных публикаций. Предсказуемо, что такие действия весьма мало способствовали улучшению показателей научной деятельности российских университетов в шкале оценок мировых рейтингов [11].

Проблема повышения качества научных публикаций и их продвижения в мировое информационное пространство остается достаточно острой для отечественной высшей школы. При этом возможные отказы мировых рейтинговых агентств учитывать достижения российских университетов не должны расцениваться как глобальная катастрофа – в России к настоящему времени создан и динамично развивается собственный международный рейтинг «Три миссии университета», в который в 2021 г. было включено 1 650 участников (в 2020 г. их было 1 500). Планомерная системная работа в этом направлении должна принести ожидаемые результаты. Также следует иметь в виду, что на топ-позициях «большой тройки» широко представлены частные университеты: Йельский, Стэнфордский, Гарвардский, Принстонский, Массачусетский технологический институт и др. [11].

Очень важно рассмотреть советскую систему образования, ее преимущества в сравнении с другими системами. Развитие сферы образования с учетом национальных интересов страны привело к усилению индустрии, созданию сильной математической школы, позволило человеку через 16 лет после Великой Отечественной войны полететь в космос. Введение специалитета было направлено на подготовку кадров высшей квалификации, когда с первого курса осуществлялось погружение в специальность, а к выпуску можно было получить прекрасных специалистов, квалифицированные кадры для страны.

В настоящий момент, когда есть запрос на владение разными компетенциями, современная система образования будет предусматривать обучение по некоторым специальностям по двухуровневой системе: бакалавриат и магистратура. Сюда относим подготовку специалистов гуманитарной направленности: юристов, философов, архивистов и др. Но, когда речь идет о подготовке специалистов технической, инженерной направленности (производство, технологии), в этом случае возможен только специалитет, который и был основным преимуществом советской системы образования.

Раскрою сущностную характеристику классической и болонской системы образования с позиции компетентностного подхода, которая существенно отличается.

Так, классическая система отечественного образования в советское время давала фундаментальные знания, учила думать и рассуждать, развивала логическое и образное мышление, единственным источником знаний выступала школа. Как считает ректор МГУ, академик РАН В. А. Садовничий, и мы с ним согласны, «страна достигла существенных успехов, причем не только в тех сферах, о которых мы постоянно говорим: освоение космоса или покорение атома. Это, конечно, на слуху. Но в 60–70-е годы мы лидировали по многим направлениям, которые сейчас у нас отсутствуют: машиностроение, энергетическая промышленность, станкостроение. Средмаш был на уровне, недостижимом ни для одной из стран. И ведь это было достигнуто только благодаря нашим ученым. Все эти отрасли очень наукоемкие. Освоение космоса, покорение атома, станкостроение, машиностроение, энергетику нельзя было развить «на коленке», потому что мы были изолированы от сотрудничества с ведущими странами. Такие успехи были потому, что тогда была мощнейшая система образования. К ней можно относиться по-разному, можно что-то критиковать, но то, что наша система образования была одной из лучших в мире, было признано всеми. Можно привести и слова Джона Кеннеди: «Космос мы проиграли русским за школьной партией». Было, на мой взгляд, сочетание хорошего школьного и высшего образования. Та система образования была рассчитана на советскую экономику, на те вызовы, на то общество. Сейчас общество другое, но ошибка состоит в утверждении, что система образования должна быть размытая, глобальная, что мы должны готовить людей, просто понимающих общие вопросы. Собственно, система бакалавриата в значительной степени дает такое общее высшее образование. Мне кажется, это неверно, потому что нам в ближайшее время понадобятся специалисты, которые должны делать то, чем мы будем сильны. Мы фактически

стоим на пределе наших возможностей в новых технологиях. Нужны новые фундаментальные разработки, но, чтобы сделать рывок в технологии, нужно какое-то открытие или в материалах, или в строении вещества, или в выявлении новых взаимодействий. Нужны новые открытия» [18].

«Теперь в МГУ ввели шестилетнее обучение: не четыре года плюс еще сколько-то, а именно шесть лет у специалистов. У нас более 10 специалитетов. Вообще я считаю, что в нашей системе образования должны быть специалисты. Нельзя подготовить за четыре года профессионала в области строительства авиационных моторов или проектировщика. Нельзя в принципе, поэтому должен быть пятилетний специалитет. У нас нет бакалавров, которые закончили бакалавриат по одной специальности и вынуждены где-то искать продолжение обучения в магистратуре (кроме двух факультетов). У нас моноподготовка. Закончил, например, историк бакалавриат по истории. Он получает диплом бакалавра, но может продолжить учиться еще два года по монопрограмме и получить звание магистра, то есть он – «шестилетка». Мы назвали это «интегрированный магистр». Это фактически специалист, который обучался шесть лет. Я считаю это колоссальным успехом МГУ. Наши «шестилетки» – это элита. Раньше при советской власти мечтали, чтобы химики или математики учились шесть лет. Следовательно, там, где нельзя готовить специалиста (нам дается соответствующий перечень), мы ввели 6-летнюю монопрограмму. Я думаю, стоит этот эксперимент продолжить. В каких-то исследованиях я читал, что бакалавры уже не устраиваются на Западе, потому что они не так нужны продвинутым компаниям» [18].

Наша система имела успех тогда, когда существовали школы: руководитель, доцент, профессор, ассистент, аспирант, студент, то есть была общность. Если студент никого не видит, а общается только по интернету (это факт, я не утрирую), – это не наше. Но и опекать так, что «ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан», тоже не надо. Должна быть золотая середина».

Болонская система образования нацеливает учащегося на освоение определенных компетенций, необходимо научить не знанию, а методике получения этого знания. При этом ребенок сам определяет, какие компетенции ему нужны: сегодня одни, а если обстоятельства изменились, нужен уже другой набор компетенций. Иначе говоря, в сознании ребенка формируется скачкообразный, фрагментарный набор знаний, умений и навыков. Школа и вуз перестают давать фундаментальные знания. В итоге все состоит из набора компетенций, а вместо знаний дают навыки. Источником знаний, умений, навыков (далее ЗУН) становится

ся не школа, а другая среда: реклама, медиапространство, интернет, а ЗУН активно натренировываются тестовой системой, повсеместно внедряемой сегодня в систему образования. Схема теста: вопрос – ответ – развивает не логическое и не образное мышление, а алгоритмическое по принципу: да/нет.

Методика болонской системы заключается в том, чтобы не заставить машину думать как интеллект, а наоборот, из человека, думающего и действующего по алгоритму, сделать машину, чтобы она могла его понять.

К сожалению, болонская система навязывает машинное мышление не только детям, но и учителям, профессия которых смыслообразующая. Педагог ведет ребенка в окружающий мир и социум, задает ему вектор жизни, формирует мировоззрение.

Нельзя не подчеркнуть то, что один из главных рисков современной системы образования состоит в подмене личности педагога тьютором или цифровым помощником, у которого нет прав. Если образование понимается как сфера услуг [7], то тьютор обслуживает ребенка и остальных субъектов образовательных отношений, которые могут предъявить претензии в случае недостаточного оказания услуги. В итоге педагог оказывается бесправен, так как все права принадлежат ребенку и его родителям, то есть главным заказчиком, оплачивающим услугу.

Следует отметить, что существует единственная государственная структура, которая не дала проникнуть болонской системе в свою систему образования – это военные учебные заведения Министерства обороны, которые отстаивают независимость системы военного образования [7].

Образование в контексте новой идеологии России рассматривается не как услуга, а как инвестиция в будущее, институт социализации личности ребенка с акцентом на воспитательном компоненте. Воспитание есть передача опыта от поколения к поколению, механизм передачи народного опыта. Образование, в первую очередь, имеет духовный пласт и лежит в основе традиционализма, разумного консерватизма. Один из рисков болонской системы состоит в том, что она представляет собой механическую систему, построенную на алгоритмах, что мешает передаче национального опыта. Ведь цифровизация вырабатывает не творческое, а алгоритмическое мышление. Поэтому построение образовательного процесса должно быть связано не с тотальной цифровизацией, а с использованием цифровых технологий лишь как средств обучения.

В силу специфики деятельности педагога иная функция воспитывать, передавать образ мысли и жизни, формировать мировоззрение в непо-

средственном живом контакте и взаимодействии с детьми, а не просто передавать компетенции и навыки. По мнению Т.С. Комаровой, «основная функция педагога, воспитателя – воспитывать, обучать, возвращать ребенка, а не разрабатывать концепции, программы, методики диагностики и т.п.» Создание таких документов не под силу и многим управленцам.

В настоящее время с учетом вышеизложенных рисков, социокультурных, экономических и геополитических изменений Россия вступила в эпоху Ренессанса во всех сферах жизни и перехода к полноценному суверенитету. Это возможность проводить собственную политику, не ущемляя никого, развиваться, но и сохранять цели и ценности национального бытия. Наступил период возвращения к себе через построение русского мира, под которым понимаются справедливый миропорядок, уважение суверенитета, национальных интересов народов и государств, сохранение традиционных религиозных и семейных ценностей. Россия встала на суверенный путь, который требует суверенного мышления в культуре, образовании. Поэтому наша страна отказывается от болонской системы и будет самостоятельно определять свой дальнейший цивилизационный путь развития как в гуманитарных, так и в технологических сферах [7, с. 12].

Решение обозначенной проблемы требует ухода от образовательной модели, насаждаемой западом. Многие специалисты и работодатели отмечают, что качество образования очень сильно упало, особенно если образовательный процесс представляет собой только передачу навыков и компетенций, которые понимаются лишь как способность что-то делать. Хотя главная цель образования заключается в формировании мировоззрения человека, что, в первую очередь, требует иной гуманитарной политики, нужна гуманизация и суверенизация образования.

Мы не должны быть слабой копией западного мира. Россия должна отстаивать свой гуманитарный суверенитет, когда воспитание, образование, культура, политика, фильмы и пр. строятся на наших традициях и ценностях, которые находятся не во вне, а внутри человека, в его сознании, поскольку это ментальные составляющие, мировоззренческие компоненты [7, с. 13–14]. Несмотря на то что наша страна Россия, богатая своими ресурсами, на протяжении всей истории всегда испытывала угрозы извне, задача образования – воспитывать настоящего гражданина, патриота, хорошо знающего историю и культуру своей страны.

Достижение этих целей требует перестройки внутренней политики страны во всех сферах, а также другого сознания, суверенного мышления

в образовании, культуре. Согласно автору цивилизационного подхода Н. Я. Данилевскому, мир состоит из цивилизаций и у России свой путь развития, который на современном этапе связан с возвратом самоидентификации, желанием говорить на русском языке, изучать свою историю, культуру. Необходима смена парадигмы высшей школы, нужна новая русская национальная ее модель.

В условиях социально-экономических преобразований важно готовить специалистов для нашей страны. Для этого необходимо обеспечить единство теоретической и практической подготовки, рабочие места, рост экономики [7].

Постоянно в научно-педагогическом сообществе обсуждается вопрос, как формировать компетенцию «мыслить». Никак, поскольку мышление – целостный психический процесс, а компетенции – завезенный извне в рамках Болонской системы единицы измерения квалификации, «кирпичики» профессионализма, а по существу, не что иное как поведенческие паттерны, описывающие стандартизированный набор поведенческих реакций человека в той или иной ситуации профессиональной деятельности. Только мышление сводится к активации нужного набора компетенции, который очень быстро устаревает в условиях стремительно развивающегося информационного общества [21, С. 25–26; 22].

В переходный период перед системой образования стоит несколько задач.

На уровне личности: развитие базовых способностей человека, чтобы из него выросла не потребитель (компетенции способствуют формированию потребителя), а человек созидатель.

На уровне общества: консолидация народа, чтобы он чувствовал себя единым целым.

В итоге цели личности и общества должны совпадать, а не противоречить друг другу.

Напомним, что в 2021 г. вышла «Стратегия национальной безопасности страны», разрабатываемая сроком на пять лет. Это второй по значимости документ после Конституции РФ в иерархии законодательства [23]. В содержании документа есть ряд идеологем, которые являются подтверждением суверенного пути России. Во-первых, концептуальные положения о культуре и образовании, определяющие уровень национальной безопасности страны. Во-вторых, посыл о необходимости изменения статуса педагога на государственный. Обсуждается вопрос о том, и мы в это верим, чтобы приравнять педагога средней и высшей школы к государственному служащему с соответствующей заработной платой.

Классическая система образования призвана дать целостное представление о мире, сформировать картину мира, мировоззрение человека. Цель состоит во всестороннем личностном развитии

ребенка, способного совершать поступки и нести за них ответственность.

По мнению президента России, Владимира Путина, «определять миропорядок будут только сильные, самодостаточные, суверенные государства. Суверенитет – ценность России». В настоящий момент речь идет о необходимости создания современной системы образования (цит. по: [23]). По этому поводу высказываются различные мнения специалистов: для одних специальностей можно оставить двухуровневую систему (гуманитарной направленности), для других специальностей возможен только специалитет (инженерное дело, технологическая направленность). Важно, что современная система отечественного образования должна готовить квалифицированные кадры для своей страны с учетом национальных интересов. В то же время система образования должна быть открытой. Для ее развития важно кооперироваться с лучшими университетами, имеющими интересные программы. Примером подготовки специалистов России является МАИ, о котором в своем интервью Российской газете «Какие инженеры нужны сегодня России» концептуально изложил академик РАН, ректор М. Погосян: «Одна из приоритетных задач МАИ – готовить специалистов, которые обеспечат технологический прорыв страны. Наряду с базовыми знаниями необходимо давать практические навыки, навыки использования современных цифровых технологий в решении комплексных инженерных задач. Чтобы наши выпускники могли с самого начала работы в индустрии демонстрировать высокий уровень профессионализма. Участие в пилотном проекте позволяет гибко адаптировать образовательные программы под новые требования» [24]. Ректор рассказал о том, сколько будут учиться студенты: «Приём на программы в области авиационной и ракетно-космической техники – это примерно 40 процентов бюджетных мест. А всего у нас ведется подготовка по девяти меганаправлениям. По остальным принимаем, как и раньше, на программы бакалавриата и специалитета. Их формат и содержание также будут обновлены в соответствии с нашими подходами. Мы пилотный проект начинаем с программ инженерной подготовки по ключевым для аэрокосмической отрасли направлениям: самолето- и вертолестроение, ракетно-космические комплексы, авиационные и ракетные двигатели, системы управления и интегрированные системы летательных аппаратов. Они реализовывались на уровнях специалитета и бакалавриата. Теперь по этим направлениям срок обучения по программам базового высшего образования для российских студентов будет составлять 5,5 года. В следующем году переведем на программы базового высшего образования остальные направления подготовки» [24].

Далее М. Погосян отмечает, что «по-прежнему одним из самых востребованных направлений станет суперкомпьютерное моделирование сложных технических систем. Нейросети уже сейчас применяются в авиастроении, судостроении, медицине, финансовой и других сферах. Основное приложение нейросетей – оптимизация процессов, помощь в принятии решений, обработка и анализ больших данных. В будущем использование нейросетей в авиации может стать еще шире. В соответствии со стратегией МАИ в рамках программы «Приоритет – 2030» мы предусматриваем увеличение мощностей процессоров нашего суперкомпьютера до более чем 500 TFlops. Это позволяет наращивать объемы выполняемых работ по расчетным исследованиям в области математического моделирования, виртуальным испытаниям и сертификации летательных аппаратов, расчетам прочности конструкций и аэродинамики».

Будут востребованы инженеры, не только владеющие математическим аппаратом, но и обладающие креативным мышлением для решения комплексных задач. Особо актуальным в интервью М. Погосяна считаем то, что «очень быстро будет развиваться рынок беспилотных летательных аппаратов. Сегодняшние прогнозы говорят о том, что нужно большое количество операторов БЛА. Но нужны и специалисты, которые будут проектировать услуги с использованием беспилотников. Нужны люди, которые будут проектировать комплексные цифровые системы, а не просто летательные аппараты, и своевременно они сделали кадровый прогноз вместе с ОАК и увидели, что если мы говорим о широком внедрении гражданской авиационной техники, то через 5–7 лет будет острая потребность в специалистах по её эксплуатации», не только «в техниках, но и в специалистах, способных использовать тот огромный массив данных, которым мы сегодня располагаем. На наш взгляд, это и есть стратегия развития и реформирования высшей школы по подготовке специалистов инженеров» [24].

Мы поддерживаем М. Погосяна в том, что «во всех отраслях в следующие пять лет будут востребованы специалисты по искусственному интеллекту и машинному обучению, бизнес-аналитики, аналитики в области информационной безопасности, специалисты по устойчивому развитию, которые занимаются разработкой мероприятий, направленных на минимизацию влияния человеческой деятельности на окружающую среду» [24].

Заслуживают внимания и обсуждения результаты интересного аналитического доклада «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд», опубликованные центром стратегических исследований Сибирского федерального университета [3]. С одной стороны, авторы доклада пишут:

«Мы рассматриваем текущую ситуацию высшей школы в России как ситуацию глубокой трансформации в условиях фундаментальных внешних изменений и серьезных внутренних противоречий. В подобных условиях будущее отличается высокой степенью неопределенности». С другой – авторы все-таки уверены, что прогноз будущего необходим и возможен [3, с. 7–8].

Авторы доклада убеждены, что намечается вторая волна просвещения, заключающаяся в переходе от «педагогике знаний к педагогике исследования и проектирования», а также к педагогике деятельности». Трудно согласиться с обоими положениями. Разве знания, как пишут авторы доклада, не стали «простыми, дешевыми и доступными», и разве интернет и СМИ не заполнены знаниями; причем в форме информации эти знания латентные и их совершенно необозримое множество множеств? В настоящее время проблема не в недостатке знаний, а в другом: как на основе информации и больших данных создавать знания, каким образом знания использовать в качестве средств, какие средства, кроме знания, мы используем (схемы, модели, проекты, дискурсы и прочее), каким образом разные средства создаются и употребляются и много других проблем, не связанных напрямую с миром знаний. Авторы говорят о современности как времени с высокой общественной и личной значимостью познания и образования (и одновременно, противоречая себе, показывают, что значение образования падает [3]). Вряд ли это так. Если говорить о второй половине XVIII – первой половине XX столетия, это, действительно, похоже, а в нашем столетии, наоборот, снижается значение науки и образования. Судьба науки печальна, поскольку больше противоречий, чем в когнитивном дискурсе, трудно себе представить. Вообще давно следует развенчать мифы «общества знания» и «когнитивного общества». Эти конструкции оказались очень удобными в плане обоснования необходимости выделения финансовых средств на проведение современных и перспективных исследований, но для подлинной науки оборачиваются настоящими мифами и проблемами [3, с. 72].

В ближайшем будущем более важны будут гуманитарная компетентность, этическая, методологическая, социальная и, возможно, какие-то другие, но не исследовательская и проектная. Даже в указанных двух сферах (исследование и проектирование) на первый план постепенно выдвигаются проблемы отслеживания и минимизации негативных последствий, а не просто разворачивание исследований и проектирования [19, с. 86].

Выводы. Теоретико-методологический анализ нашего исследования показывает следующее.

В последнее время вносится существенный вклад в развитие отечественной системы образования, увеличивается ее финансирование, строятся школы и детские сады, однако фиксируется низкое качество знаний. Таким образом, происходит сдвиг внешнего социокультурного контекста и деформация образования как сферы жизни и деятельности общества. Кризис проявляется и внутри образовательного процесса в виде разрыва между логикой личного движения учащегося и логикой систем знаний. Системы знаний сложны и объемны, их освоение в логике псевдогенетического развертывания воспринимается как громоздкий процесс с негарантированным результатом. О практике и проблемах ЕГЭ написано значительное количество статей как позитивного,

так и критического характера [11]. Практически все авторы сходятся в том, что тестовая форма не позволяет полноценно определить уровень знаний экзаменуемого, а также в том, что вузы оказываются отстраненными от процесса измерения знаний абитуриентов практически на всех этапах: подготовки, проведения, проверки и оценивания. Наибольшее количество претензий связано с результатами ЕГЭ – проблема так называемых «100-балльных регионов», из-за которой Рособрнадзор вынужденно прекратил публикацию в открытых источниках данных об итогах мероприятий в региональном разрезе. Заметим, что проблема ЕГЭ не в том, хорош он или плох, проблема – в его безальтернативности, отсутствии выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Readings B. The university in ruins. Harvard Univ. Press, 1996. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1cbn3kn>.
2. Barnett R. Realizing the university in an age of supercomplexity. Soc. for Research into Higher Education & Open Univ. Press, 2000. 200 p.
3. Будущее высшей школы России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: анализ. докл. / науч. ред. В. С. Ефимов. Красноярск: СФУ, 2012. 182 с.
4. Garcia M. L., Bray O. H. Fundamentals of technology roadmapping: Sandia report. SAND-97-0665. Albuquerque; Livermore, 1997. 33 p. DOI: <https://10.2172/471364>.
5. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. Москва, 1991. С. 195–206.
6. Попов А. А. Философия открытого образования: социально-антропологические основания и институционально-технологические возможности. Томск: Бия, 2008. 279 с.
7. Слепцова И. Ф. Суверенитет российского образования: вызовы, риски и стратегия развития. Москва: Творч. центр «Сфера», 2022. 112 с.
8. Reaching the marginalized: EFA global monitoring report 2010. UNESCO Publ.; Oxford Univ. Press, 2010. 510 p. URL: <https://ifap.ru/pr/2010/n100120b.pdf> (accessed 25.07.2023).
9. Сафонова М. А. Шансы для университетов // Полит.ру. 2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/10/10/safonova/> (дата обращения: 25.07.2023).
10. Сивак Е. В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания): препринт WP10. Москва: ГУ ВШЭ, 2006. 41 с.
11. Орлов В. В., Таточенко А. Л. Болонская система (процесс) в России: реализация, проблемы и решения // Проблемы гуманизации и суверенизации российской системы высшего образования: реформы, результаты, перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 мая 2022 г. Москва, 2022. С. 70–84.
12. Пинтаева М. Ю. Высшее образование в России и Болонский процесс // Мировая наука. 2019. №6. С. 353–358.
13. Тихомиров Н. В. Болонский процесс в России в аспекте балльно-рейтинговой системы в вузах: проблемы и перспективы применения // Научная мысль. 2019. Т. 9, №3. С. 106–109.
14. Шолохов А. В. Болонский процесс как генератор перманентного кризиса в российском высшем образовании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №1–1. С. 87–90.
15. Efimov V. S., Lapteva A. V. Practices of exploring the future: Russian foresight // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. Vol. 1, no. 3. P. 143–153.
16. Popper R., Miles I. D. The FISTERA Delphi: future challenges, applications and priorities for socially beneficial information society technologies // Manchester 1824: The Univ. of Manchester. 2005. URL: <https://research.manchester.ac.uk/en/publications/the-fistera-delphi-future-challenges-applications-and-priorities-> (accessed 25.07.2023).
17. Романов Ю. И. Болонский процесс как путь к иллюзорной упорядоченности через предвещающий хаос // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2018. №3. С. 74–84.
18. Садовничий В. А. Интервью с ректором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, академиком РАН Виктором Антоновичем Садовничим / вел Д. Гришанков // Эксперт РА. 2013. URL: https://raexpert.ru/editions/sadovnichii_vuz_2013/ (дата обращения: 25.07.2023).
19. Розин В. М. Анализ Новосибирского проекта реформирования высшего образования // Проблемы гуманизации и суверенизации российской системы высшего образования: реформы, результаты, перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 мая 2022 г. Москва, 2022. С. 84–96.

20. Телегина Г. В. Образование на перекрестках культур: реформа на Западе и ее интерпретации. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун.-та, 2005. 328 с.
21. Таточенко А. Л., Тараканов А. В. Российский рейтинг университетов RAEX-100: метрологический подход к оценке результатов // Проблемы гуманизации и суверенизации российской системы высшего образования: реформы, результаты, перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 мая 2022 г. Москва, 2022. С. 103–112.
22. Тараканов А. В., Тышковский А. В., Ускова Д. Н. К вопросу о суверенизации отечественного образования // Проблемы гуманизации и суверенизации российской системы высшего образования: реформы, результаты, перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 мая 2022 г. Москва, 2022. С. 31–39.
23. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 25.07.2023).
24. Погосян М. Ректор МАИ Михаил Погосян – о том, какие профессии будут популярны через пять лет и почему нужны инженеры с креативным мышлением / беседа вела Н. Ячменникова // Российская газета. № 158 (9103). URL: <https://rg.ru/2023/06/27/mai-university.html> (дата обращения: 29.07.2023).

REFERENCES

1. Readings B. *The university in ruins*. Harvard Univ. Press, 1996, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1cbn3kn>.
2. Barnett R. *Realizing the university in an age of supercomplexity*. Soc. for Research into Higher Education & Open Univ. Press, 2000, 200 p.
3. Efimov V. S. (ed.). *The future of higher education in Russia: an expert view. Foresight study 2030: analytical rep.* Krasnoyarsk, SFU, 2012, 182 p. (In Russ.).
4. Garcia M. L., Bray O. H. *Fundamentals of technology roadmapping: Sandia report*. SAND-97-0665. Albuquerque, Livermore, 1997, 33 p. DOI: 10.2172/471364.
5. Habermas Yu. The concept of individuality. *O chelovecheskom v cheloveke*. Moscow, 1991, pp. 195–206. (In Russ.).
6. Popov A. A. *Philosophy of open education: socio-anthropological foundations and institutional and technological capabilities*. Tomsk, Biya, 2008, 279 p. (In Russ.).
7. Sleptsova I. F. *Sovereignty of Russian education: challenges, risks and development strategy*. Moscow, Tvorch. tsentr «Sfera», 2022, 112 p. (In Russ.).
8. *Reaching the marginalized: EFA global monitoring report 2010*. UNESCO Publ., Oxford Univ. Press, 2010, 510 p. URL: <https://ifap.ru/pr/2010/n100120b.pdf> (accessed 25.07.2023).
9. Safonova M. A. Chances for universities. *Polit.ru*. 2011. URL: <https://polit.ru/article/2011/10/10/safonova/> (accessed 25.07.2023). (In Russ.).
10. Sivak E. V. *Crime in the audience. Determinants of dishonest behavior of students (plagiarism and cheating): preprint WP10*. Moscow, GU VShE, 2006, 41 p. (In Russ.).
11. Orlov V. V., Tatchenko A. L. Bologna system (process) in Russia: implementation, problems and solutions. *Problemy gumanizatsii i suverenizatsii rossiiskoi sistemy vysshego obrazovaniya: reformy, rezul'taty, perspektivy: sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., Moskva, 19 maya 2022 g.* Moscow, 2022, pp. 70–84. (In Russ.).
12. Pintaeva, M. Yu. Higher education in Russia and the Bologna process. *Mirovaya nauka*, 2019, no. 6, pp. 353–358. (In Russ.).
13. Tikhomirov N. V. The Bologna process in Russia in the aspect of the point-rating system in universities: problems and prospects for application. *Nauchnaya mysl'*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 106–109. (In Russ.).
14. Sholokhov A. V. The Bologna process as a generator of a permanent crisis in Russian higher education. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2019, no. 1–1, pp. 87–90. (In Russ.).
15. Efimov V. S., Lapteva A. V. Practices of exploring the future: Russian foresight. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2009, vol. 1, no. 3, pp. 143–153.
16. Popper R., Miles I. D. The FISTERA Delphi: future challenges, applications and priorities for socially beneficial information society technologies. *Manchester 1824: The Univ. of Manchester*. 2005. URL: <https://research.manchester.ac.uk/en/publications/the-fistera-delphi-future-challenges-applications-and-priorities-> (accessed 25.07.2023).
17. Romanov Yu. I. The Bologna process as a path to illusory order through preliminary chaos. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk*, 2018, no. 3, pp. 74–84. (In Russ.).
18. Sadovnichii V. A. Interview with the rector of Lomonosov Moscow State University, academician of the Russian Academy of Sciences Viktor Antonovich Sadovnichii. *Expert RA*. 2013. URL: https://raexpert.ru/editions/sadovnichii_vuz_2013/ (accessed 25.07.2023). (In Russ.).
19. Rozin V. M. Analysis of the Novosibirsk project for reforming higher education. *Problemy gumanizatsii i suverenizatsii rossiiskoi sistemy vysshego obrazovaniya: reformy, rezul'taty, perspektivy: sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., Moskva, 19 maya 2022 g.* Moscow, 2022, pp. 84–96. (In Russ.).

20. Telegina G. V. *Education at the crossroads of cultures: reform in the West and its interpretations*. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2005, 328 p. (In Russ.).
21. Tatochenko A. L., Tarakanov A. V. Russian university ranking RAEX-100: a metrological approach to assessing results. *Problemy gumanizatsii i suverenizatsii rossiiskoi sistemy vysshego obrazovaniya: reformy, rezul'taty, perspektivy: sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., Moskva, 19 maya 2022 g.* Moscow, 2022, pp. 103–112. (In Russ.).
22. Tarakanov A. V., Tyshkovsky A. V., Uskova D. N. On the issue of sovereignization of domestic education. *Problemy gumanizatsii i suverenizatsii rossiiskoi sistemy vysshego obrazovaniya: reformy, rezul'taty, perspektivy: sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., Moskva, 19 maya 2022 g.* Moscow, 2022, pp. 31–39. (In Russ.).
23. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed 25.07.2023). (In Russ.).
24. Pogosyan M. MAI Rector Mikhail Pogosyan – about what professions will be popular in five years and why engineers with creative thinking are needed. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 158 (9103). URL: <https://rg.ru/2023/06/27/mai-universitety.html> (accessed 29.07.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Корниенко Нина Алексеевна – доктор психологических наук, профессор кафедры технологии обучения, педагогики и психологии, Новосибирский государственный аграрный университет (Российская Федерация, 630039, г. Новосибирск, ул. Никитина, д. 147, e-mail: na.kornienko2012@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 11.09.2023

После доработки 02.10.2023

Принята к публикации 06.10.2023

Information about the author

Nina A. Kornienko – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Learning Technology, Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Agrarian University (147 Nikitina Str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation, e-mail: na.kornienko2012@yandex.ru).

The paper was submitted 11.09.2023

Received after reworking 02.10.2023

Accepted for publication 06.10.2023